

М. М. Гельфонд, Т. А. Ширшова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Нижний Новгород*

«СТРАННАЯ ЛЮБОВЬ» В «СТРАННОМ ГОРОДЕ»: ОБ ОДНОМ СЮЖЕТЕ РУССКОЙ ЛИРИКИ И ПРОЗЫ

В статье представлен опыт параллельного прочтения поэтического диалога, сформировавшегося в лирике Марины Цветаевой и Осипа Мандельштама в 1916 году, и рассказа И. А. Бунина «Чистый понедельник» (1944), основное действие которого относится к 1913 году. Показано, что, несмотря на декларативное неприятие И. А. Буниным русского модернизма, названный рассказ может быть рассмотрен как один из художественных эпилогов Серебряного века. И. А. Бунин, апеллируя к особенностям мышления и культуры последних предреволюционных лет, а также к быту и укладу московской жизни, по всей видимости, невольно воссоздает сюжет, чрезвычайно близкий к тому, который отразился в поэтическом диалоге Цветаевой и Мандельштама. Особое внимание сосредоточено именно на сходстве сюжетов, возникающем вопреки различной родовой принадлежности текстов: героиня, ощущающая московскую Русь своей, пытается ввести в нее героя, который прежде был по разным причинам от нее отчужден. В фокусе исследования находятся также совпадающие в рассказе и поэтическом диалоге художественные детали. В частности, рассматривается включенность отношений героев в природный и народно-религиозный календарь, а также связь этих отношений с ощущением рубежа и подступающей исторической катастрофы. Не менее значимым оказывается и топос Москвы как «странного города», своеобразным центром и местом испытания в котором становятся кремлевские соборы «с их итальянскою и русскою душой». При этом показано, что, несмотря на плотность точных совпадений и возможность непосредственного воздействия лирического диалога на прозаический текст, «посредником» в котором могла оказаться переписка М. И. Цветаевой с В. Муромцевой-Буниной, перед нами, по-видимому, схождение типологического характера, объясняемое общностью исходных реалий. Таким образом, рассказ «Чистый понедельник», с одной стороны, и поэтический диалог Мандельштама и Цветаевой, с другой, предстают репрезентациями единого «московского текста о “серебряном веке”», при-

Гельфонд Мария Марковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и межкультурной коммуникации, академический руководитель ОП «Филология» НИУ ВШЭ – Нижний Новгород (ул. Б. Печерская, 25/12, Нижний Новгород, 603105, Россия, mgelfond@hse.ru)

Ширшова Татьяна Александровна – магистрант программы «Современная филология в преподавании литературы в школе» НИУ ВШЭ – Москва (ул. Старая Басманная, д. 21/4, строение 6, Москва, 105066, Россия, tanya_yudina_96@mail.ru)

чем то, что было осмыслено в лирике Цветаевой и Мандельштама как опыт личный, живой, биографический, Буниным было увидено с временной дистанции и осознано как часть исторического опыта России.

Ключевые слова: Цветаева, Мандельштам, Бунин, «Чистый понедельник», «московский текст», поэтический диалог.

Наряду с романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» или «Поэмой без героя» А. А. Ахматовой рассказ И. А. Бунина «Чистый понедельник» стал одним из художественных эпилогов русского модернизма и – шире – последнего предреволюционного десятилетия в целом. Несмотря на малый объем, «Чистый понедельник», – это книга итогов, текст, завершающий и осмысляющий эпоху. История отношений безымянных бунинских героев разворачивается на фоне «серебряного века» и в его атмосфере: они знакомятся на лекции Андрея Белого, едут на капутник Художественного театра, герой привозит героине «новые книги – Гофмансталея, Шницлера, Тетмайера, Пшибышевского» [Бунин, 1965, с. 239] и роман В. Я. Брюсова «Огненный ангел», которому героиня дает уничижительную характеристику: «до того высокопарно, что совестно читать» [Там же, с. 241]. Яростное неприятие Буниным эстетики и поэтики европейского и русского модернизма соединяется в рассказе с постоянными и при этом достаточно сложными отсылками к авторам и произведениям, его представляющим. Так, множественные блоковские цитаты, по точному слову О. А. Лекманова, «инкрустированные» в текст рассказа, отнюдь не сводятся к полемике Бунина с Блоком: за противостоянием выстраивается ряд параллелей, проясняющих как образ героини, так и судьбу России, которую она воплощает [Лекманов, 2012, с. 158].

Недавно опубликованный подробный комментарий к «Чистому понедельнику» О. А. Лекманова и М. А. Дзюбенко [2016] позволяет высветить культурно-исторический контекст бунинского рассказа и воссоздать его разноплановые реалии. Разумеется, необыкновенная насыщенность рассказа именами собственными обращает читателей в первую очередь к разъяснению того, что в рассказе *названо*. Вместе с тем не менее важным может оказаться тот подтекст рассказа, который связан даже не с подразумеваемыми, а с *угаданными* автором (воспользуемся булгаковским словом) характерами и ситуациями, со случайными, но от этого не менее значимыми совпадениями. Так, в «резонантном пространстве литературы» [Топоров, 1993] рядом с бунинским рассказом неожиданно оказываются обращенные друг к другу стихи Осипа Мандельштама и Марины Цветаевой. Речь идет о «московских» стихотворениях О. Э. Мандельштама 1916 года: «В разноголосице девического хора...», «На розвальнях, уложенных соломой...», «О, этот воздух, смутой пьяный...» и объединенном с ними общностью адресата «Не веря воскресенья чуду...» [Мандельштам, 1993–1997, т. 1, с. 120–123], а также о стихах М. И. Цветаевой «Ты запрокидываешь голову...» [Цветаева, 1994–1995, т. 1, с. 253–254], «Из рук моих нерукотворный град...» [Там же, с. 269], близких к ним стихам первой половины 1916 года и том комментарии к поэтическому диалогу, который она дает в «Истории одного посвящения» [Там же, т. 4, с. 130–158].

Плотность случайных схождений, очевидных, хотя, по всей видимости, и непреднамеренных совпадений бунинского рассказа с названными стихами Мандельштама и Цветаевой очень значительна. Сходными, несмотря на различную родовую принадлежность произведений, оказываются и их сюжеты: героиня, ощущающая Москву и «допетровскую Русь» своей и отстаивающая это с чувством, близким к религиозной экзальтации, пытается ввести в сферу московской старины героя, который прежде по разным причинам был от нее отчужден.

За общностью эпического и лирического сюжетов, варьирующих мотив «странной любви» в «странном городе» [Бунин, 1965, с. 241], открывается множество частных параллелей.

Отметим, прежде всего, время, на которое приходится действие рассказа и лирического диалога. Отношения героев в обоих случаях отчетливо встроены не только в природный, но и в народно-религиозный календарь и в значительной степени подчиняются его логике. Развитие обоих сюжетов приходится на конец зимы и начало весны; их кульминационной точкой становится переход от масленицы к великому посту, непосредственно зафиксированный в заглавии бунинского рассказа. «Так прошел январь, февраль, пришла и прошла масленица» [Бунин, 1965, с. 243], – отмечает герой «Чистого понедельника»; сходным образом датируются названные стихотворения О. Э. Мандельштама: «В разноголосице девичьеского хора...» – февралем 1916 года, «На розвальнях, уложенных соломой...» – мартом, «О, этот воздух, смутой пьяный...» – апрелем; в феврале-марте 1916-го были созданы и стихи Цветаевой, обращенные к Мандельштаму: «Никто ничего не отнял...» [Цветаева, 1994–1995, т. 1, с. 252], «Ты запрокидываешь голову...», «Откуда такая нежность?» [Там же, с. 254–255], «Из рук моих – нерукотворный град...» [Там же, с. 269]. В финале черновой редакции стихотворения Мандельштама «На розвальнях, уложенных соломой...» речь прямо шла о последних днях масленицы, ставящих точку в отношениях героев: «Сжигает масленица корабли» [Мандельштам, 1993–1997, т. 1, с. 121] (в окончательном варианте «И рыжую соломку подожгли»).

Действие рассказа И. А. Бунина, как нетрудно подсчитать, относится к февралю-марту 1913 года, поскольку его финал приходится на последние дни 1914: «В четырнадцатом году под Новый год, был такой же тихий, солнечный вечер, как тот, незабвенный» [Бунин, 1965, с. 250]. Лирический диалог Мандельштама и Цветаевой разворачивается тремя годами позже, но так же, как и сюжет бунинского рассказа, отчетливо связан с ощущением рубежа и подступающей исторической катастрофы, словно бы растворенной в воздухе:

О, этот воздух, смутой пьяный,
На черной площади Кремля.
Качают шаткий «мир» смутьяны,
Тревожно пахнут тополя
[Мандельштам, 1993–1997, т. 1, с. 121].

Недолговечность и драматизм отношений героев в обоих случаях обусловлены не столько личными причинами, сколько «странным городом», в котором происходит действие, и тенью рубежа эпох, которая с самого начала ложится на них. Неудивительно, что в лирическом сюжете, переживаемом «здесь и сейчас», тревога высказана прямо; в эпическом она маркирована рядом деталей, дающих понять: Бунин описывает тот мир, которого больше нет и который нельзя воскресить.

Лейтмотивом обоих сюжетов становится «странный город» – мир, чужой для героя и свой для героини. Важнейший элемент обоих сюжетов – акт «дарения» московского мира герою. В лирике Цветаевой этот дар сопряжен с настойчивой щедростью: «Из рук моих – нерукотворный град / Прими, мой странный, мой прекрасный брат!» [Цветаева, 1994–1995, т. 1, с. 269], в рассказе Бунина – с тайной героини, вдруг приоткрывающей свой мир, недоступный, как ей кажется, герою: «Это не религиозность. Я не знаю, что... Но я, например, часто хожу по утрам и по вечерам, когда вы не таскаете меня по ресторанам, в кремлевские соборы, а вы даже и не подозреваете этого...» [Бунин, 1965, с. 244]. Если отчуж-

денность от Москвы Мандельштама – петербуржца, инородца, иноверца – вполне объяснима, то отчужденность бунинского героя, выходца из Пензенской губернии, внешне похожего на сицилианца, скорее задана и не предполагает объяснений: «Странный город! – говорил я себе, думая об Охотном ряде, об Иверской, о Василии Блаженном. – Василий Блаженный – и Спас-на-Бору, итальянские соборы – и что-то киргизское в остриях башен на кремлевских стенах...» [Бунин, 1965, с. 241].

Как в рассказе Бунина, так и в поэтическом диалоге Мандельштама и Цветаевой «странный город» оказывается местом парадоксального соединения модерна и патриархальной старины, европейского и азиатского начал. Центром московского мира в обоих случаях становятся кремлевские соборы: к ним устремлен путь Мандельштама и Цветаевой, они хранят в себе то, что до поры скрывает бунинская героиня. Обратимся к стихотворению Мандельштама, открывающему ряд московских стихов:

*В разноголосице девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся высокие, дугой.*

*И с укрепленного архангелами вала
Я город озираю на чудной высоте.
В стенах Акрополя печаль меня снедала
По русском имени и русской красоте.*

*Не диво ль дивное, что ветроград нам снится,
Что реют голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поет черница:
Успенье нежное – Флоренция в Москве.*

*И пятиглавые московские соборы
С их итальянской и русской душой
Напоминают мне явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой¹
[Мандельштам, 1993–1997, т. 1, с. 120].*

Многие его мотивы находят почти точное соответствие в «Чистом понедельник». Так, в Прощеное воскресенье, героиня рассказывает герою о том, что ходит слушать церковное пение в кремлевских соборах: «И на двух клиросах два хора, тоже все Пересветы: высокие, могучие, в длинных черных кафтанах, поют, перекликаясь, – то один хор, то другой, – и все в унисон и не по нотам, а по “крюкам”» [Бунин, 1965, с. 244]. Спустя без малого два года герой приезжает в Марфо-Мариинскую обитель: «...видны были раскрытые двери небольшой освещенной церкви, из дверей горестно и умиленно несло пение девичьего хора» [Там же, с. 251]. Кремлевские соборы в обоих случаях напоминают о Флоренции: «Какой древний звук, что-то жестяное и чугунное. И вот так же, тем же звуком било три часа ночи и в пятнадцатом веке. И во Флоренции совсем такой же бой, он там напоминал мне Москву...» [Там же, с. 249]. Разумеется, «итальянская и русская душа» кремлевских соборов непосредственно связана с их создателями – Аристотелем Фьорованти и Алевизом Новым, которые вдохновлялись как итальян-

---

¹ Здесь и далее в цитатах курсив наш. – М. Г., Т. Ш.

янскими палатками, так и владимирским Успенским собором, тоже построенным при участии итальянцев [Лекманов, Дзюбенко, 2016, с. 91]. Кроме того, в стихотворении О. Э. Мандельштама, как неоднократно отмечалось, название Флоренция (цветущая) становится своего рода криптограммой, отсылающей к фамилии Цветаевой [Видгоф, 2006, с. 23]. Тем не менее точность совпадения оказывается значимой: герой не может постичь Москву и останавливается перед загадкой города, связанного с Флоренцией [Поливанов, 2006, с. 173–177]. Интересно, что упоминание о Флоренции – вновь в ночном и зимнем контексте – появится у Цветаевой несколько позже, но в стихах того же 1916 года:

После бессонной ночи слабеют руки
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга – в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг
[Цветаева, 1994–1995, т. 1, с. 283].

Вид города «на чудной высоте», открывающийся в стихах Мандельштама, почти симметричен тому, который открывается из квартиры героини «Чистого понедельника»: «...за одним окном *низко лежала вдали огромная картина заречной снежно-сизой Москвы*; в другое, левее, была видна часть Кремля, напротив, как-то не в меру близко, белела слишком новая громада Христа Спасителя, в золотом куполе которого *синеваыми пятнами отражались галки, вечно вившиеся вокруг него...*» [Бунин, 1965, с. 241]. Галки, отражающиеся в куполе собора, как отмечают О. А. Лекманов и М. А. Дзюбенко, – «это, конечно, характерная деталь московского пейзажа, но, возможно, и намек на хрестоматийную строку А. С. Пушкина «И стаи галок на крестах» из седьмой, московской главы «Евгения Онегина» [Лекманов, Дзюбенко, 2016, с. 92]. Отметим соответствие этому образу в двух мандельштамовских строках: «Реют голуби в горячей *синеве*» и «Сырая даль от птичьих стай *чернела...*» («На розвальнях, уложенных соломой...») [Мандельштам, 1993, с. 121]. Собор в мандельштамовских стихах осмыслен как птичье пространство и птичье жилище [Медвидь, 2006]:

Успенский, дивно округленный,
Весь удивленье райских дуг,
И Благовещенский, зеленый,
И, мнится, заворкует вдруг
[Мандельштам, 1993–1997, т. 1, с. 121].

Важным атрибутом московского мира становятся птичьи стаи и у Цветаевой: «Голуби реют серебряные, растерянные, вечерние...», причем «птичье» в нем проецируется на «человеческое»:

Иссиня-черное, исчерна-
Синее твое оперение.
Жесткая, жадная, жаркая
Мать
[Цветаева, 1994–1995, т. 1, с. 256].

Нельзя не отметить и внешнего сходства героини мандельштамовского стихотворения «с русским именем и в шубке меховой» с героиней бунинского рассказа,

чье имя не названо, а « меховая шубка » является важной чертой облика: « С меня было довольно и того, что вот я сперва *тесно сижу с ней в летящих и раскатывающихся санках, держа ее в гладком мехе шубки...* » [Бунин, 1965, с. 242]; « Я приехал, и она встретила меня уже одетая, *в короткой каракулевой шубке, в каракулевой шляпке, в черных фетровых ботиках* » [Там же, с. 243]. « Явление Авроры » у Мандельштама, вероятно, отсылает к пушкинскому « Зимнему утру » [Сурат, 2009, с. 93]; в « Чистом понедельник » единственное совместное пробуждение героев оказывается преддверием их расставания.

Еще больше пересечений обнаруживается у « Чистого понедельника » при сопоставлении с другими стихотворениями, составляющими поэтический диалог. Так, герой бунинского рассказа через два года после расставания с героиней приходит в Архангельский собор: « Я вышел из дому, взял извозчика и поехал в Кремль. Там зашел в пустой *Архангельский собор*, долго стоял, не молясь, в его сумраке, глядя на *слабое мерцанье старого золота иконостаса и надмогильных плит московских царей*, – стоял, точно ожидая чего-то, в той особой тишине пустой церкви, когда боишься вздохнуть в ней » [Бунин, 1965, с. 250]. С мотивом « скрытого горенья » связан Архангельский собор и у Мандельштама:

Архангельский и Воскресенья
Просвечивают, как ладонь, –
Повсюду *скрытое горенье*,
В кувшинах спрятанный огонь...
[Мандельштам, 1993–1997, т. 1, с. 122].

Память о московских царях – либо отроках Иване и Петре, выведенных на Соборную площадь во время первого стрелецкого бунта, либо об убиенном царевиче Дмитрии, покоящемся в Архангельском соборе, – звучит и у Цветаевой:

Помедлим у реки, полошущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...
[Цветаева, 1994–1995, т. 1, с. 254].

Еще одним сакральным московским местом, запечатленным в обоих текстах, становится Иверская часовня. В « Чистом понедельнике » она названа: « Шел пешком по молодому липкому снегу, – метели уже не было, все было спокойно и уже далеко видно вдоль улиц, пахло снегом и *из пекарен*. Дошел до Иверской, *внутренность которой горячо пылала и сияла целыми кострами свечей*, стал в толпе старух и нищих на растоптанный снег на колени, *снял шапку...* » [Бунин, 1965, с. 250]; в стихах Мандельштама скорее угадывается в « церковке знакомой » [Видгоф, 2006, с. 26]. Косвенное подтверждение тому, что именно об Иверской часовне здесь идет речь, находим в цветаевском стихотворении « Из рук моих – неруководный град... »:

Часовню звездную – приют от зол –
Где вытертый – от поцелуев – пол
[Там же, с. 269].

Отметим, что с Иверской связано и цветаевское описание страсти – то самое противоречивое соединение эротического и религиозного начал, которое составляет тайну бунинской героини:

Мой рот разгарчив,
Даром, что свят – вид.
Как золотой ларчик
Иверская горит
[Цветаева, 1994–1995, т. 1, с. 270].

Близок и ряд ассоциаций, связанных с Иверской, у Бунина и Мандельштама: горящие свечи, снятая шапка, запах хлеба, герой, сам обрекающий себя на казнь и страдания: «...какая-то несчастнейшая старушонка глядела на меня, морщась от жалостных слез:

– Ох, не убивайся, не убивайся так! Грех, грех!» [Бунин, 1965, с. 250].

Сопоставим со стихотворением Мандельштама:

На розвальнях, уложенных соломой,
Едва прикрытые рогожей роковой,
От Воробьевых гор до церковки знакомой
Мы ехали огромною Москвой.

А в Угличе играют дети в бабки
И пахнет хлеб, оставленный в печи.
По улицам везут меня без шапки
И теплятся в часовне три свечи.

.....
Ныряли сани в черные ухабы,
И возвращался с гульбища народ.
Худые мужики и злые бабы
Переминались у ворот
[Мандельштам, 1993–1997, т. 1, с. 120–121].

Как указывают О. А. Лекманов и М. А. Дзюбенко, «обычай в начале Великого поста прийти в Иверскую часовню, чтобы поклониться чудотворной иконе Иверской Божией Матери, был прочно укоренен в московской среде» [2016, с. 183]. С возвращением домой – и в перспективе с радостью обретения себя и взаимной любви – связано описание Иверской часовни в «Войне и мире» (см. [Лекманов, Дзюбенко, 2016, с. 183; Аркатова, 2014, с. 58]). По словам Е. А. Аркатовой, Иверская часовня является в русской литературе устойчивым «пространственным антиподом разлуки, символом соединения» [2014, с. 59]. С последним наблюдением при рассмотрении данных сюжетов согласиться трудно: герой «Чистого понедельника» идет к Иверской сразу после расставания с героиней; в стихах Мандельштама образ «церковки знакомой» вызывает ассоциацию с убитым царевичем Димитрием, причем Москва становится фоном и его гибели, и беды, ожидающей лирического героя. Вместе с тем именно в Иверской часовне словно бы спрятана та сердцевина московского мира, которую героиня готова подарить герою («Из рук моих – нерукотворный град...»), или, напротив, герой осознает свою сопричастность этой тайне героини, но уже после расставания с ней («Чистый понедельник»).

Еще одним топосом, соединяющим рассказ и поэтический диалог, является кладбище, причем как место не столько вечного упокоения, сколько прогулки. Странности такого выбора удивляется, поспешно соглашаясь с героиней и от-

правляясь с ней на Новодевичье, герой «Чистого понедельника»: «Вечер был мирный, солнечный, с инеем на деревьях; на кирпично-красных стенах монастыря болтали в тишине галки, похожие на монашенок, куранты то и дело тонко и грустно играли на колокольне. Скрипя в тишине по снегу, мы вошли в ворота, пошли по снежным дорожкам, по кладбищу, – солнце только что село, еще совсем было светло, дивно рисовались по золотой эмали заката серым кораллом сучья в инее, и таинственно теплились вокруг нас спокойными, грустными огоньками негасимые лампадки, рассеянные над могилами» [Бунин, 1965, с. 244]. С описания прогулки по кладбищу начинается и своего рода эпилог обращенного к Цветаевой цикла Мандельштама – стихотворение «Не веря воскресенья чуду»:

Не веря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы...
[Мандельштам, 1993–1997, т. 1, с. 122].

Комментируя эти строки в «Истории одного посвящения», Цветаева пишет: «Город Александров. 1916 год. Лето. Наискосок от дома, под гору, кладбище. Любимая прогулка детей, трехлетних Али и Андрюши. Точка притяжения – проваленный склеп с из земли глядящими иконами. <...> Любимая детей и нелюбимая – Осипа Мандельштама. От этого склепа так скоро из Александрова и уехал. (Хотел – “всю жизнь!”). <...> Мандельштаму в Александрове, после первых восторгов, не может. Петербуржец и крымец – к моим косограм не привык. <...> На кладбище я, по его словам, “рассеянная какая-то”, забываю о нем, Мандельштаме, и думаю о покойниках, читаю надписи (вместо стихов!), высчитываю, сколько лет – лежащим и над ними растущим; словом, гляжу либо вверх, либо вниз, но непременно *от*. Отвлекаюсь» [Цветаева, 1994–1995, т. 4, с. 142–143]. Упоминается в «Истории одного посвящения» (правда, не в связи с Мандельштамом) и кладбище Новодевичьего монастыря – место прогулки бунинских героев и захоронения матери Цветаевой: «Вспоминаю другое слово, тоже поэта, тоже с Востока, впервые видевшего со мной Москву – на кладбище Новодевичьего монастыря, под божественным его сводом:

– Стоит умереть, чтобы быть погребенным здесь» [Там же, с. 144].

С темой монастырского кладбища естественно связывается и образ монашенки. Путь ухода от мира – естественный в свете ее религиозной экзальтации, но необъяснимый для героя – выбирает для себя героиня «Чистого понедельника»: «В Москву не вернусь, *пойду пока на послушание, потом, может быть, решусь на постриг...* Пусть бог даст сил не отвечать мне – бесполезно длить и увеличивать нашу муку» [Бунин, 1965, с. 250]. Ранее, словно бы проверяя реакцию героя, она говорит ему: «Ох, уйду я куда-нибудь в монастырь, в какой-нибудь самый глухой, вологодский, вятский!» [Там же, с. 246]. Это стремление к уходу от мира почти совпадает с цветаевским:

И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской, –

*Одену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь, и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по калужской.*
[Цветаева, 1994–1995, т. 1, с. 272].

Еще притягательный, но вместе с тем уже пугающий образ «монашки туманной» возникает и у Мандельштама («Не веря воскресенья чуду...»):

Но в этой темной, деревянной
И юродивой слободе
С такой монашкою туманной
Остаться – значит быть беде
[Мандельштам, 1993–1997, т. 1, с. 123].

Образ монашки, по слову Цветаевой, – составной: «...нянька Надя с ее юродивым смехом, настоящая монашка с рубашками и, наконец, я с моими хождениями на кладбище. От троящегося лица – туман. Но так или иначе – от этой монашки уезжает в Крым» [Цветаева, 1994–1995, т. 4, с. 154].

Отметим, что первоначально Цветаева планировала назвать книгу «Версты», в которую вошли стихи 1916 года, обращенные к Мандельштаму, и циклы «Стихи о Москве», «Китеж-град». Древняя Русь становилась тем заповедным миром, в котором она обретала себя; за решением стилистических задач открывались новые поэтические перспективы. По словам И. Шевеленко, те возможности, которые Цветаева «обнаружила в стилистической архаике и фольклорном просторечии, помогли ей решить вполне индивидуальную творческую задачу. Перемена языкового арсенала... имела смысл мировоззренческий, а не только стилистический» [Шевеленко, 2002, с. 111]. Одним из цветаевских открытий 1916 года стала возможность переводить свои чувства «на образные языки других эпох» [Там же, с. 113]: в поэтическом диалоге с Мандельштамом она примеряет на себя ситуацию Лжедмитрия и Марины Мнишек. Вспомним аналогичную ситуацию из «Чистого понедельника»: героиня рассказа, пытаясь объяснить герою происходящее с ней, прибегает к аналогии из «Повести о Петре и Февронии», причем контаминирует два ее эпизода, не связанных между собой [Лекманов, 2012, с. 154; Яблоков, 1998, с. 8]: явление жене Павла «летучего змея... в естестве человеческом, зело прекрасном» [Бунин, 1965, с. 246] и благостную кончину Петра и Февронии. Подобная контаминация сюжетов и эпизодов характерна и для цветаевского прочтения истории Лжедмитрия и Марины; «авторское “я” одинаково легко перевоплощается в персонажах сказочных и исторических, опознавая в судьбах тех и других частицу своей собственной или же творя из частиц чужих судеб свою новую легенду» [Шевеленко, 2002, с. 113]. Составной частью этой легенды становится присвоение героиней московского мира на основании заявленного внутреннего родства: «Хорошо! Внизу дикие мужики, а тут блины с шампанским и Богородица Троеручица. Три руки! Ведь это Индия! Вы – барин, вы не можете понимать так, как я, всю эту Москву» [Бунин, 1965, с. 245]. Этот же образ, связанный с чудотворной иконой «Троеручицей» (Дамаскинской), возникает и у Цветаевой, но едва ли не в кощунственном контексте автопроекции:

Коли милым назову – не соскучишься!
Богородицей слыву – Троеручицей!
[Цветаева, 1994–1995, т. 1, с. 279].

Наиболее сложным – как в сюжете «Чистого понедельника», так и в сюжете поэтического диалога – оказывается взаимодействие двух начал, условно говоря, эротического и религиозного. Отсюда – диаметрально противоположные по форме, но едва ли не дублирующие друг друга по смыслу восклицания героинь: «Что “Марина” – когда Москва?! “Марина” – когда Весна?! О, Вы меня действительно

не любите!» [Цветаева, 1994–1995, т. 6, с. 574] – «Правда, как вы меня любите!» [Бунин, 1965, с. 244]. В дневнике С. П. Каблукова о душевных изменениях, происходящих с Мандельштамом, говорится: «Какая-то женщина явно вошла в его жизнь. Религия и эротика сочетаются в его душе какою-то связью, мне представляющейся кощунственной. Эту связь признал и он сам, говорил, что пол особенно опасен ему, как ушедшему из еврейства, что он сам знает, что находится на опасном пути, что положение его ужасно, но сил сойти с этого пути не имеет и даже не может заставить себя перестать сочинять стихи во время этого эротического безумия» (цит. по: [Мандельштам, 1990, с. 256]). Мандельштамовские переживания дополнительно осложнены инородством и поэтическим даром («не может заставить себя перестать сочинять стихи»), но и для бунинского героя они – при всей их притягательности – оказываются мучительными: «Наша неполная близость казалась мне иногда невыносимой, но и тут – что оставалось мне, кроме надежды на время?» [Бунин, 1965, с. 242].

Плотность отмеченных совпадений между поэтическим диалогом Цветаевой и Мандельштама и бунинским рассказом позволяет предположить, что перед нами нечто большее, нежели случайность. Возможны два пути, объясняющих эти совпадения, – непосредственное воздействие лирического диалога на прозаический текст или же фиксация общих мест московской культуры, точнее, той версии «московского текста», который характерен для последних предреволюционных лет.

Остановимся вначале на первом.

Очерк Цветаевой «История одного посвящения» (1928) стал ответом на опубликованные несколькими годами ранее весьма недостоверные мемуары Георгия Иванова «Китайские тени». К этому времени М. И. Цветаева уже около двух лет состояла в переписке с В. И. Муромцевой-Буниной. Ее темой были, главным образом, подробности семейной истории Цветаевых (в большей степени Иловайских): Вера Муромцева была гимназической соученицей сводной сестры Марины Цветаевой – Валерии, часто бывала в семье Иловайских, хорошо знала Ивана Владимировича Цветаева, у которого училась на курсах. Вспомним, что и героиня «Чистого понедельника» «зачем-то училась на курсах» [Бунин, 1965, с. 238], ее интересовала история, а отец ее, вдовец, «просвещенный человек знатного купеческого рода, жил на покое в Твери, что-то, как все такие купцы, собирал» [Там же, с. 239]. Для Марины Цветаевой Вера Муромцева стала воплощением раннего детства («Я росла за границей, Вы бывали в доме без меня, я Вас в нем не помню, но Ваше имя помню. Вы в нем жили как звук» [Цветаева, 1994–1995, т. 7, с. 236]), единственной свидетельницей ушедшего мира («Этих времен никто не знает, не помнит, Вы мне возвращаете меня тех лет – незапамятных, допотопных, дальше чем ассири<яне?> и вавилоняне» [Там же, с. 237]). Неудивительно, что мемуарный очерк «Дом у Старого Пимена» Цветаева предваряет посвящением: «Вере Муромцевой, одних со мной корней» [Там же, т. 5, с. 104].

Было ли это известно И. А. Бунину? Несколько раз в своих письмах Цветаева подчеркивает: «Скоро я пришлю ее (книгу стихов «После России») Вам, не давайте ее мужу» [Там же, т. 7, с. 234], «Умоляю <курсив М. Цветаевой. – М. Г., Т. III.> этого письма (ни Асиного ни моего) не показывать никому. Не надо. – Только вам» [Там же, с. 242]. В любом случае, если Цветаева была вынужденно сближена с семьей Буниных эмигрантской жизнью и семейной историей (хотя единственный сохранившийся отзыв Бунина о ней носит резко негативный характер [Литературное наследство, 1973, с. 679]), то никаких свидетельств знакомства Бунина со стихами Мандельштама у нас нет.

Разумеется, даже в том случае, если Бунину был известен поэтический диалог Цветаевой и Мандельштама и отношения, стоящие за ним, мы ни в коем случае не

можем предположить, что именно они легли в основу «Чистого понедельника». Более вероятен все же иной путь: в основе близости поэтического диалога и рассказа лежит общность тех явлений культуры, истории, быта, мышления, сознания, которые были характерны для московского мира накануне постигшей его катастрофы. То, что было осмыслено в лирике Цветаевой и Мандельштама как опыт личный, живой, биографический, Буниным было увидено с временной дистанции и осознано как часть исторического опыта России.

Список литературы

- Аркатова А. Е. Эрос в пространстве. Московские героини А. И. Солженицына и М. И. Цветаевой // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). 2014. № 2. С. 56–66.
- Бунин И. А. Чистый понедельник // Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1965. Т. 7. С. 238–251.
- Видгоф Л. М. Москва Мандельштама: Книга-экскурсия. М.: ОГИ, 2006. 480 с.
- Лекманов О. А. «Чистый понедельник». Три подступа к интерпретации // Новый мир. 2012. № 6. С. 154–159.
- Лекманов О. А., Дзюбенко М. А. Иван Бунин «Чистый понедельник» (Опыт пристального чтения): Пояснения для читателя. М.: Б.С.Г.–Пресс, 2016. 208 с.
- Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. / Ред. А. Н. Дубовиков и С. А. Макашин при участии Т. Г. Динесман; подбор ил. и сост. подписей Т. Г. Динесман, Н. Д. Эфрос; фотокопии ил. В. А. Иванова. М.: Наука, 1973. Кн. 2. 551 с.
- Мандельштам О. Камень / Изд. подгот. Л. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин. Л.: Наука, 1990. (Сер. «Литературные памятники»)
- Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 4 т. / Сост. П. М. Нерлер, А. Т. Никитаев. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1997.
- Медвидь М. В. Скворечники и голубятни (птичий дом в творчестве Осипа Мандельштама) // Художественный текст и культура VI: Материалы междунар. науч. конф. Владимир: Изд-во ВГПУ, 2006. С. 149–155.
- Поливанов К. М. Итальянский мотив одного московского стихотворения М. Цветаевой // Поливанов К. М. Пастернак и его современники. Биография. Диалоги. Параллели. Прочтения. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2006. С. 173–177.
- Сурат И. З. Мандельштам и Пушкин. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2009, 384 с.
- Топоров В. Н. О «резонантном» пространстве литературы (несколько замечаний) // Literary tradition and practice in Russian culture. Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yury Mikhailovich Lotman. Rodopi, 1993. P. 16–21.
- Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994–1995.
- Шевеленко И. Д. Литературный путь Цветаевой: идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 464 с.
- Яблоков Е. А. Толстовский подтекст в рассказе И. Бунина («Чистый понедельник» и «После бала») // Литература. 1998. № 1. С. 5–11.

M. M. Gelfond, T. A. Shirshova

National Research University «High School of Economics»
Nizhny Novgorod, Russian Federation

**«STRANGE LOVE» IN A «STRANGE CITY»:
CONCERNING A THEME OF RUSSIAN POETRY AND PROSE**

The article features the practice of parallel reading of two texts – the poetic dialogue that was formed in the lyrics of Marina Tsvetaeva and Osip Mandelstam in 1916 and the novel *Pure Monday* (1944), whose main action relates to 1913, by Ivan Bunin. In the work it is clearly stated that, despite Bunin's constantly emphasized rejection of Russian modernism, the novel can be regarded as one of the artistic epilogues of the Silver age. Drawing readers' attention on specific traits of the mentality and the culture of last pre-revolution years as well as on the Moscow's mode of life, I. Bunin unconsciously recreates the plot that is similar to the one that was formed in Mandelstam's and Tsvetaeva's dialogue. We paid particular attention exactly to the similarity of two plots that contradicts the genre difference of texts. She, who considers Moscow Rus to be hers, tries to get Him acquainted with this world (he was alienated from it before because of various reasons). The investigation focuses on some details that correspond in the novel and the poetic dialogue. For example, we analyze characters' involvement in natural and religious calendar as well as the connection between these references and the sense of boundary and coming historical catastrophe. The topos of Moscow as «the strange city» appears to be significant; the city turns out to be the center, whose place of trial is Kremlin cathedrals with «their Italian and Russian soul». However, in spite of consistence of exact coincidences and the probability of the lyrical dialogue's influence on the prosaic text where correspondence of Tsvetaeva and V. Muromtseva-Bunina could have been the mediator, we are convinced that we have the similarity of typological character that can be explained by common initial realia. Thus, the novel *Pure Monday* on the one hand and the lyrical dialogue of Mandelstam and Tsvetaeva on the other becomes the representatives of the single «Moscow text about the Silver age of Russian culture». It should be noted that those things that were conceptualized by Tsvetaeva as her personal experience were seen by Bunin from the time perspective and interpreted as the historical experience of Russia.

Keywords: Marina Tsvetaeva, Osip Mandelstam, Ivan Bunin, *Pure Monday*, «Moscow text», poetic dialogue.

References

- Arkatova A. E. Eros v prostranstve. Moskovskie geroini A. I. Solzhenitsyna i M. I. Tsvetaevoy [Eros in space. Moscow's heroines of Solzhenitsyn and Tsvetaeva]. In: *Filologicheskie nauki [Philological sciences]*, 2014, no. 2, pp. 56–66.
- Bunin I. A. *Chisty ponedel'nik [Pure Monday]*. Moscow, 1965, pp. 238–251.
- Bunin I. A. *Chisty ponedel'nik. Opyt pristan'nogo chteniya; Poyasneniya dlya chitatelya [Pure Monday by I. Bunin: An experience of close reading. Explanations for the reader]*. Ed. by M. A. Dzyubenko, O. A. Lekmanov. Moscow, 2016, 208 p.
- Vidgof L. M. *Moskva Mandel'shtama: Kniga-ekskursiya [Moscow of Mandel'shtam: book-excursion]*. Moscow, 2006, 480 p.
- Lekmanov O. A. "Chisty ponedel'nik". Tri podstupa k interpretatsii [Pure Monday: Three attempts to comment]. *Novyy mir*, 2012, no. 6, pp. 154–159.
- Literaturnoe nasledstvo. Tom 84 [Literary Remains. Vol. 84]*: Ivan Bunin. Moscow, Nauka, 1973, 696 p.
- Mandel'shtam O. *Kamen' [Stone]*. Leningrad, 1990 (Literary monuments).
- Mandel'shtam O. E. *Sobranie sochineniy v 4 tomakh [Collected Edition in 4 vol.]*. Moscow, 1993–1997.
- Medvid' M. V. Skvorechniki i golubyatni (Ptichiy dom v tvorchestve Osipa Mandel'shtama) [Nesting boxes and Dovecotes (Bird House in Mandel'shtam's work)]. In: *Khudozhestvennyy tekst i kul'tura – 2005: materialy VI Mezhdunar. nauchn. konf. [Literary text and culture – 2005. Materials of VI Intern. sci. conf.]*. Vladimir, 2006, pp. 149–155.

Polivanov K. M. Ital'yanskiy motiv odnogo moskovskogo stikhotvoreniya M. Tsvetaevoy [The Italian motif of one of the Moscow poems of M. Tsvetaeva]. In: Polivanov K. M. *Pasternak i ego sovremenniki. Biografiya. Dialogi. Paralleli. Prochteniya*. [Pasternak and his contemporaries. Biography. Dialogs. Parallel. Reading] Moscow, HSE, 2006, pp. 173–177.

Surat I. Z. *Mandel'shtam i Pushkin* [Mandel'shtam and Pushkin]. Moscow, 2009, 384 p.

Toporov V. N. O «rezonantnom» prostranstve literatury (neskol'ko zamechaniy) [About the resonant field of literature (some remarks)]. *Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yury Mikhailovich Lotman*. Rodopi, 1993, pp. 16–21.

Tsvetaeva M. I. *Sobranie sochineniy v 7 tomakh* [Collected Edition in 7 vol.], Moscow, Ellis Lak, 1994–1995.

Shevelenko I. D. *Literaturnyy put' Tsvetaevoy: Ideologiya – poetika – identichnost' avtora v kontekste epokhi* [The literary pathway of Tsvetaeva: Ideology – poetics – author's identity in the context of the epoch]. Moscow, 2002, 464 p.

Yablokov E. A. Tolstovskiy podtekst v rasskaze I. Bunina ("Chisty ponedel'nik" i "Posle bala") [Tolstoy's subtext in the novel by Bunin (Pure Monday and After dance)]. *Literature*, 1998, no. 1, pp. 5–11.

Gelfond Mariia M. – Associate Professor: HSE Campus in Nizhny Novgorod / School of Literature and Intercultural Communication. Programme Academic Supervisor: Philology (25/12 Bolshaya Pecherskaya Str., Nizhny Novgorod, 603105, Russian Federation, mgelfond@hse.ru)

Shirshova Tatiana A. – Graduate Student of the Program «Modern Philology in the Teaching of Literature at School», HSE – Moscow (21/4, build. 6, Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation tanya_yudina_96@mail.ru) bilding